

М. БРИКНЕР

**СТРАДАЮЩИЙ
— БОГ —
В РЕЛИГИЯХ
ДРЕВНЕГО
МИРА**

АЛЕКС.

М-КНБ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ**

Г.П.П. МОСКВА

1 9 2 3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. БРИКНЕР

СТРАДАЮЩИЙ БОГ В РЕЛИГИЯХ ДРЕВНЕГО МИРА

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ—МОСКВА—1923**

ВТОРАЯ ТИПОГРАФИЯ
МОСКОВСКОГО СОЮЗА
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ
О Б Щ Е С Т В.
Мясниц. пр., 2.
Тел. 1-54-45.

ИЗДАНИЕ 1954 ГОДА

Предисловие.

За последнее время в России появился небывалый спрос на литературу антирелигиозную вообще, в частности— на литературу по истории религий. Притом спрос этот идет с низов, из самой толщи пролетарских и крестьянских масс. Наряду с тем, что в России сохранились глухие углы, где возможны еще убийства на почве изуверства, как это было недавно в Московской губернии с убийством крестьянского писателя Семенова, наряду с все еще огромным влиянием раввинов, попов, мулл, ксендзов и других шаманов, можно наблюдать массовый отход от церкви, массовый интерес к безбожникам.

Это не случайный факт, это серьезный исторический сдвиг, связанный с наступившей эпохой пролетарской революции. Религия является серьезнейшим препятствием на пути к раскрепощению трудящихся, на пути к коммунизму. Лучше всего ее подтачивают успехи науки и техники, если и то и другое всецело находится в руках государства, если это государство последние выводы и завоевания науки и техники могло бы сделать достоянием всех.

Одним из выводов исторической науки, поскольку речь идет об истории религий, является разоблачение христианских мифов. Оно идет с разных сторон. И даже сама христианская церковь, в своем стремлении приспособиться к критическому отношению масс, вынуждена была, в лице наиболее либеральных ее представителей, пересмотреть евангельские легенды и признать их несамостоятельность, заимствование из других религий. Выяснилось, что существовали задолго до легенд о Христе легенды о других богах, ничем почти не отличающиеся от позднейших сказаний о Христе.

Тем самым и все учение христианства приобретает иной характер в глазах масс. Для тех, кто усвоил этот взгляд, христианство есть не что иное, как приспособление религий так называемых язычников к психологии нового времени, к изменившимся хозяйственным и политическим условиям жизни. Этот вывод не так уж нов вообще, но для массы нов, и для массы он является революционным толчком к пересмотру всего своего отношения к религии.

Вот почему мы считаем полезным переиздание книжки М. Брикнера: «Страдающий бог в религиях древнего мира». Книжка эта впервые была переведена на русский язык в 1909 г. и появилась в серии «Религия и церковь в свете научной и свободной критики».

Правда, у Брикнера, как и у многих либеральных критиков христианства, не хватает решимости довести свои выводы до конца. Потративши все свои способности на доказательство того, что Христос дохристианский вполне заключает элементы христианского Иисуса, Брикнер останавливается на полдороге и полагает, что образ дохристианского Мессии был только перенесен на живую личность Христа. Насколько робеет перед окончательным выводом Брикнер, показывают его слова в конце книги:

«Бесчисленные следы ведут нас от христианства в историю религии, они доказывают тесную связь христианства с историей религии. Но они не настолько близко сходятся, чтобы мы из них могли вывести все последние следствия».

Мы же полагаем, что история религии с полной очевидностью доказала, что христианское учение, как и весь миф о Христе, есть не больше, как приспособление к изменившимся условиям жизни. Пролетариат, в его решительном стремлении перестроить все человеческие отношения, конечно, не остановится на полдороге в своих выводах относительно враждебной ему религии.

Ем. Ярославский.

Умиравший и воскресающий божественный спаситель в восточных религиях.

Возникновение и развитие веры в смерть и воскресение божества было почти везде одинаково или, по крайней мере, весьма сходно и, вероятно, может быть сведено к общему корню. Поэтому, для упрощения и для лучшего понимания последующих глав, изображающих верования отдельных религий, весьма полезно предпослать им несколько слов о происхождении и значении этой веры вообще.

Боги, о которых здесь идет речь, являются первоначально божествами астральными ¹⁾ или растительными. В ежедневном и ежегодном движении солнца, в прибавлении и ущербе луны, в созвездии, временно исчезающем с горизонта и потом снова появляющемся на нем, во всем этом люди видели богов, уходящих и возвращающихся, умирающих и воскресающих. Так, Митра был солнечный бог, рождение которого приходилось на 25 декабря, на день зимнего солнцестояния, когда впоследствии праздновалось и Рождество Христово. Если Озирис живет и властвует на земле 28 лет (по числу дней лунного месяца), если его враждебный брат Сет находит его труп в полнолуние и разрезает его на 14 частей (по числу дней, в течение которых происходит ущерб луны),—то это указывает, что Озирис, хотя и не первоначально, но все-таки был и лунным божеством. 20 июля, когда восходил Сириус, звезда Изиды, начинался египетский священный год: богиня прибывала, чтобы оплакивать своего покойного супруга и воскресить его из мертвых.

¹⁾ Звездными.

Однако, в настоящее время все более и более склоняются к тому, чтобы рассматривать все эти божества с точки зрения их первоначального происхождения, в качестве растительных богов. Смерть и воскресение соответствуют умиранию и оживанию природы. Насколько тесно то и другое было связано, показывает древний рассказ о сошествии Иштар в ад. Как только Иштар сошла в преисподнюю, на земле прекратилась всякая жизнь, всякое размножение среди животных и людей, и угрожала опасность всеобщей гибели. Таким же образом печаль богини Деметры о своей дочери, Персефоне, уведенной Плутоном в преисподнюю, приостановила всякое произрастание на земле, и всем угрожала опасность умереть с голода.

Позднее многих из этих богов, соответственно духу времени, стали почитать также в качестве солнечных божеств, и часто трудно решить, каково было их первоначальное значение. Ведь жизнь на земле самым тесным образом связана с солнцем, как продукт его воздействия, и даже еще теперь прибыли и ущерб луны приписывается влиянию на весь органический мир. Можно сказать в общем, что в солнечных божествах всегда находит себе выражение могучая, властная, победоносная природа: само солнце в своем годичном движении никогда собственно не умирает, а всегда победоносно преодолевает свое мнимое поражение зимой. Так, солнечный бог Митра носит обычно прозвище «непобедимого». Для растительности же, наоборот, после кратковременного расцвета весной наступает увядание в летнюю жару и смерть зимой. Поэтому, в природе этих богов выступает первоначально на первый план элегически (задушевно) мягкая черта: они умирают и исчезают в цветущем, юношеском возрасте. Но можно указать также вполне определенные черты, которые — каждая в отдельности или все вместе — ясно доказывают, что по своей первоначальной сущности они были растительными божествами.

Сюда, прежде всего, относится их связь с великой богиней-матерью, сыновьями или возлюбленными которой они являются: мать-земля производит весеннюю растительность, как своего сына, или соединяется с ним, как с возлюбленным, для кратковременной жизни и любви. Такова Кибела, «великая мать-земля», которая оплакивала своего возлюбленного Аттиса, исчезнувшую растительность. Аналогичны отношения между Иштар и Таммузом, Бельти-Афродитой и Адонисом, Изидой и Озирисом. Отношения между двумя божествами таковы, что не бог любит богиню, а, наоборот, богиня любит прекрасного бога; она оплакивает умершего и ищет исчезнувшего. Поэтому святилища посвящаются не богу, а стоящей над ним богине. Лишь постепенно, благодаря тому значению, которое получают смерть и воскресение бога, он получает более высокое, самостоятельное достоинство и является иногда представителем высшего божества вообще, как Аттис и Серапис. Растительное божество становится божеством солнечным.

Посвящение богу тельца может служить другим признаком первоначального характера такого бога, как божества растительного. Телец является символом животворных сил природы. С другой стороны, однако, указывалось, что приблизительно до 2100 года до Р. Хр. солнце проходило в начале весны через созвездие Тельца, и лишь с этого времени (вследствие процессии равнодействия) оно вступило в созвездие Овна. Поэтому, такие боги, как Дионис, которому посвящены телец и овн, являются по своему первоначальному происхождению солнечными божествами.

Точнее определяется первоначальный характер этих богов на основании празднеств, которые устраивались в их честь. Если траурное празднество по поводу смерти бога приходится на позднее лето или осень—это верный признак того, что по своему первоначальному характеру он был растительным божеством, ибо в это время солнце находится как раз в зените своей

творческой силы. То же самое можно утверждать, хотя и не с такой определенностью, если праздник воскресения приходится на весну: весной празднует свое возрождение растительность, а не солнце.

Однако, в культе таких богов имели главное значение не их происхождение и не ходившие о них мифы и сказания, которые могли быть различными для различных божеств, но в то же время в известных отношениях могли быть сходны для всех богов. Напротив, наиболее важным моментом в культе этих богов явились их смерть и воскресение. И то и другое праздновалось в культе, который состоял из драматического изображения прежде всего их смерти, но также их воскресения или обретения. В культе растительных богов, как, например, Таммуза, первоначально на первом плане было траурное торжество по поводу их смерти, тем более, что в культе смерть можно было изобразить легче и рельефнее. Наоборот, в культе солнечных богов, как, например, Мардука, празднество состояло из радостного торжества по случаю их победы. Большей же частью, как, например, в культе Аттиса, Озириса и Адониса, оба торжества были связаны друг с другом; они праздновались весной или осенью, при чем сначала оплакивалась смерть бога, а затем радостно приветствовалось его воскресение. Если же празднество, как в культе Мелькарта и других богов, заключалось в сожжении изображения божества, тогда оба акта совпадали в одном. Земные, преходящие части бога подвергались уничтожению; сам же он, очищенный огнем, возносился на небо для новой жизни.

Христианские писатели, как, например, Минуций Феликс, немало издевались над этими культами. «Они не перестают ежегодно терять то, что обрели, и вновь обретать то, что теряют; разве не смешно оплакивать то, что ты почитаешь, и чтить то, что ты оплакиваешь?» Но разве христиане не оплакивают ежегодно смерть своего спасителя, разве они не совершают на Пасхе

радостный праздник его воскресения? И в глазах язычника изображение бога не было самым богом, которого он чтил. Невидимое влияние своего бога он умел распознать в небесных тучах и в земной глубине, в ветре и дожде, в поле и на лугу. Весной бог жил могучей жизнью; осенью, после сбора плодов он казался мертвым. Тогда почитатели его ели его от разрушенного тела в виде хлеба и пили от его пролитой крови в виде вина ¹⁾.

Но свое выдающееся религиозное значение эти боги получили лишь тогда, когда люди стали связывать с ними надежду на загробную жизнь, представляемыми и порукой которой являлись эти боги. Такие надежды мы встречаем в самые древние времена в египетском культе Озириса и фракийском культе Диониса, в фригийском культе Аттиса и малоазийских культах вообще. По существу ведь тот же самый процесс, благодаря которому замерзает поток и становится холодной земля, действует и внутри нас самих; та связь, которую устанавливает Павел в I послании к Коринфянам, гл. 15, между зерном, вложенным в землю и ожившим из нее в новом теле, и погребенным в земле человеческим телом, встречается задолго до нее в древних религиозных мистериях. Единение с божеством достигалось посредством таинственных обрядов, омовений и жертвоприношений, крещения кровью и священных трапез. Участник мистерии, привлеки к себе бога, омывшись в его крови и соединившись с ним посредством священной трапезы, возрождался к вечной жизни. В изданном А. Дитерихом тексте, составляющем, как полагают, часть литургии в честь Митры, молящийся в конце ее просит:

¹⁾ Попытка М. Бриквера таким образом объяснить возникновение „таинства“ причастия крайне неудачна. Теперь вполне доказано, что происхождение этого „таинства“ ведет нас к кровавым жертвоприношениям, к человеческим жертвоприношениям. Очень популярно изложены факты, относящиеся к этому в прекрасной брошюре т. И. И. Степанова: „О таинстве святого причастия“ Изд. „Красная Новь“. Главполитпросвет. Москва. 1923 г.

Примеч. Ем. Ярославского

«Боже! возрожденный, я ухожу; вознесенный и благодаря вознесению моему, я умираю; рожденный рождением, производящим жизнь, я спасаюсь в смерти и следую по пути, который ты указал, который возведен тобою в закон, в таинство» ¹⁾). Эту молитву можно было с таким же правом вложить в уста любого почитателя Аттиса или Сераписа или некоторых других богов. В этих древних культах люди научались умирать с надеждой на лучшее будущее, как говорил Цицерон. Эти учения находили отклик и широкое распространение всюду среди таких людей, которые в ту эпоху, вследствие сильно развитого страха смерти, чувствовали себя всю жизнь рабами неумолимой судьбы. То, чего не могли дать отдельной личности старые государственные религии, суррогат (подделку) чего предлагала лишь немногим избранным философия,—это дали римскому государству восточные религии. Это было их древнее и прочное приобретение. Они достигали этого при помощи культа, который необыкновенно сильно действовал на чувства своими торжественными процессиями, драматическими церемониями и таинственными обрядами. В то же время этот культ влиял и на разум своими астрологическими (о звездах) учениями, и на волю — своими покаяниями, жертвоприношениями и заповедями. Но центральным пунктом всех этих культов было драматическое празднество в честь смерти и воскресения божественного спасителя, в мистическом (таинственном) общении с которым можно было преодолеть даже смерть и получить в вечный удел вечную жизнь.

Это явление станет еще более ясным для нас, когда мы познакомимся с отдельными религиями, в которых господствовали подобные верования.

¹⁾ Сравните эту молитву с молитвою «Христос воскрес из мертвых», и вы увидите, что уже в этом гимне Митре заключается канва и материал для молитвы „Христос воскрес“.

В а в и л о н .

Мы начинаем с вавилонской религии, так как она оказала сильнейшее влияние на религии других народов, в частности на иудейскую ¹⁾. До нас дошло относительно немного известий об этой древнейшей религии. Но они достаточно ясно показывают наличие в ней веры в смерть и воскресение богов.

Яснее всего эта вера выступает по отношению к богу Таммузу, молодому возлюбленному вавилонской богини—матери Иштар, изображаемому также в виде пастуха. Он сын Эа, бога водной глубины: имя ему Таммуз также обозначает: «истинный сын водной глубины». Эа, вместе с Ану, богом неба, и Белом, богом земли, были божественной троицей у древних вавилонян, «богами всего, что находится на небе, на земле и под землей». Таммуз был, поэтому, также богом преисподней, но, главным образом, богом весенней растительности, умирающей в летнюю жару. Согласно рассказу о схождении Иштар в ад, она сходит в преисподнюю, в страну, откуда никто не возвращается, чтобы достать там живой воды для своего мертвого возлюбленного. В аду ее задерживает Эрешкигал. Но так как на земле всему живому начинает угрожать смерть, то Ану отправляет в ад посла, по приказу которого Иштар получает живую воду и свободу. По возвращении она омывает Таммуза живой водой, помазывает его лучшим маслом и одевает в красное платье: раздаются звуки флейты. Поэти-

¹⁾ Можно считать точно установленным, что большинство книг ветхого завета написано после так называемого вавилонского пленения. Евреи занимались у вавилонян предания о сотворении мира и другие, много слов, нравов и обычаев. (См. Сендерленд. Библия и ее происхождение).

ческий рассказ, повидимому, заканчивался описанием траурного торжества в честь покойного бога и его воскресения. В мифе об Адапе Таммуз также исчезает и возносится к вратам Ану, т.-е. на высшее небо.

Траурное торжество в честь Таммуза восходит в седую древность, как это доказывает упоминание о нем в мифе об Адапе и в эпосе (собрание сказаний) о Гильгамеше ¹⁾. В последнем мы читаем, что Иштар установила ежегодное оплакивание своего возлюбленного Таммуза. Это ежегодное траурное торжество в память бога происходило в месяце Таммузе (июль, август), названном по его имени, поздним летом. Оно было, несомненно, широко распространено и нашло себе также доступ в Иудею. По Иезек. 8, 14 бог показал пророку в видении, как женщины иерусалимские оплакивали Таммуза у северных ворот храма. Таким образом, этот языческий культ проник до самого порога официального святилища в Иерусалиме! Как глубоко он укоренился, видно из того, что еще в 987 году после Р. Х. сабии праздновали в месяце Таммузе праздник плача женщин (*el bucat*) в память бога Та-уза. Нам ничего неизвестно о каком-либо празднестве в честь воскресения Таммуза, да и вряд ли таковое происходило. В память бога происходил элегический погребальный праздник, сопровождавшийся тоскливым пением женщин и игрой на флейте.

Блестящее празднество воскресения с великолепными процессиями устраивалось в честь бога Мардука, древнего бога города Вавилона. С тех пор как Вавилон сделался властителем мира, Мардук стал властвовать над остальными вавилонскими богами. Первоначально он, может быть, был растительным богом,

¹⁾ Гильгамеш (или Гилгамиш)—герой древнего вавилонского сказания о потопе. В Лондоне, в Британском музее, имеется четыре экземпляра этого сказания, записанного клинописью на камне и черепках. Гильгамеш в этом сказании выступает в образе царя и вместе с тем в роли судьи в преисподней. (См. проф. К. Бецельд. Ассирия и Вавилония, стр. 99, 104, 105).

так как празднество его приходится на весну, а посвящен ему был телец. Но уже с древних времен он был светлым богом весенней и утренней зари. Как и Таммуз, он—сын Эа. Но как победитель чудовища хаоса, Тиамат, он получает гораздо большее значение, чем Таммуз, слывет создателем мира и богом-избавителем от всяких несчастий. Он любит воскрешать мертвых. Он—владыка владык и царь царей.

Мардук умирает зимой и воскресает весной. В определенные дни происходит траурный плач по нем, почему он называется также *bel nubatti*, богом погребального плача. Древние знали также его гробницу, гробницу Бела.

Когда Мардук весной воскресал, происходило главное празднество в честь его, называющееся Замгук и упоминаемое также в II Маккав., 15, 36. Одновременно оно являлось и празднеством в честь его бракосочетания. Оно происходило в начале месяца Нисана, соответствующего нашему марту, и было новогодним празднеством вавилонян. Может быть, оно находится в связи с римскими сатурналиями и с персидским праздником *Jakâen*. Оно во всяком случае оказало сильнейшее влияние на иудейский праздник Пурим, об установлении которого говорит книга Есфирь. Имена Есфири (Иштар) и Мардохая (Мардук) уже достаточно доказывают вавилонское происхождение рассказа кн. Есфирь.

О смерти и воскресении других богов вавилонского Пантеона (собрания богов) передавались такие же сказания, как и относительно Таммуза и Мардука. Так, Нергал спускался 18 таммуза в преисподнюю и снова появлялся на земле 28 кислева.

К этому же кругу явлений относится схождение Иштар в ад. Из других божеств интересны еще Шамаш ¹⁾ (Солнце) и Син (Луна). Но мы знаем о

¹⁾ Шамаш бог солнца, могущественный, всеведущий бог. В одном древнем обращении к нему говорится: „Направятся ли царь Урарту, или жители Гимира к бою с оружием в руках, к войне, и в битву, дабы умерщ-

них лишь очень немного. Таммуз же и Мардук получили величайшее значение благодаря своему культу: один—благодаря элегическому (грустному) погребальному празднику в честь смерти, другой—благодаря блестящему весеннему празднеству своего воскресения.

влять, грабить и сделать набег в страну Шупрою?.. Двинутся ли они на город Пуму..., чтобы все перерезать, разграбить все, что можно разграбить, захватить все в добычу... отнять и присвоить себе, сколько удастся? Ты, о великое божество, знаешь об этом! Повелел ли ты, приказал ли ты это своими божественными устами, о великий бог, о Шамаш?.. проф. В. Бецольд. Ассирия и Вавилония стр. 64). Как это похоже на многие еврейские воинственные псалмы.

Примеч. Ем. Ярославского.

Финикия.

Тожественным или, по крайней мере, наиболее часто отождествлявшимся с вавилонским Таммузом является финикийский Адонис ¹⁾, культ которого имел, однако, свое особое развитие и значение.

Центром культа Адониса был Библос на сирийском берегу, «Иерусалим или Мекка финикийцев». Здесь находилось знаменитое святилище финикийской Афродиты, великой Баалат-Гебал, супруги Адониса. Высокий обелиск, воздвигнутый в храме, был священным изображением богини. Другое ее святилище находилось в Либаноне, у истоков названной по имени Адониса реки, впадающей в море при городе Библосе и носящей теперь имя Нар-Ибрагим. Здесь, в лесистом горном ущелье, одном из прекраснейших во всем мире, судя по словам Ренана и других путешественников, было самое подходящее место для совершения празднования траурного торжества в память умершего молодого бога с надлежащим настроением. Пролитая кровь трагически убитого бога виднелась здесь и в расцветавшей красной анемоне, розе Адониса (которую и теперь еще арабы называют цветком паат, «возлюбленного»), и в горной речке, окрашенной в красноватый цвет землею, смытой и попавшей в реку во время таяния снега. Уже эти признаки ясно показывают, что празднество происходило весной, хотя определенных сведений о его времени мы не имеем,

¹⁾ После окончания этой брошюры я получил кратко и ясно написанную статью Грессмана (Gressmann) об Адонисе во II выпуске словаря: „Die Religion in Geschichte und Gegenwart“ (Релагия в исторические времена и в настоящее время). При помощи этого словаря читатель может всего лучше и быстрее ориентироваться (разобраться) и относительно остальных лиц, предметов и понятий религиозной истории, которые мы здесь затрагиваем.

а в других местах, как, например, в Афинах, адонии (празднества в честь Адониса) приходились на лето.

Миф рассказывает, что Адонис вырос из мирты или был рожден своей матерью Миррой, превратившейся в дерево. Прекрасный юноша и охотник, он становится возлюбленным Афродиты (Астарты). Его имя обозначает «господин», и наряду с именами Бела или Ваала (тоже означают «господин») и Мелькарта (означает «царь»), является, в сущности говоря, нарицательным именем, которое в форме *adon (i)* употребляется в ветхом завете при обращениях к богу и во многих других случаях. Далее, миф говорит, что в смерти Адониса был виновен ревнивый Арес, пославший против него дикого вепря или сам превратившийся в такового. До сих пор еще не выяснено, что означает вепрь в этом мифе.

Центральное место в празднестве в честь Адониса, как и Таммуза, занимало траурное торжество. Но впоследствии, может быть, даже только после слияния культа Адониса с египетским культом Озириса ¹⁾, оно стало соединяться также с торжеством воскресения бога. Очевидец, римский писатель Лукиан описывает это празднество следующим образом: «в Библосе находится великое святилище Афродиты, в котором они устраивают тайные торжества и в честь Адониса. Я был очевидцем этого культа. Они рассказывают при этом, что история с вепрем случилась в их местности. И в память о страданиях бога они ежегодно бичуют себя, оплакивают бога и устраивают тайное празднество. Велика тогда печаль в этой местности. Насытившись самобичеванием и плачем, они приносят Адонису жертву, подобающую мертвецу. На другой же день они называют его живым и думают, что он возносится на небо».

В следующей главе автор рассказывает о другом замечательном явлении: ежегодно из Египта приплы-

¹⁾ Об Озирисе будет подробно рассказано в главе о Египте.

вает в Библос голова, гонимая ветром, совершающая свой путь в семь дней. Рассказ этот, вероятно, основан на том, что морские течения приносили нильский ил к финикийскому берегу. Еще Кирилл Александрийский знает, что египетские женщины ежегодно посылали в осмоленной кружке письмо женщинам города Библоса. В определенный день письмо это прибывало в Библос и приносило известие об обретении Адониса. Как только прибывало известие, раздавались радостные крики: «мы нашли его, мы радуемся». В Александрии праздник Адониса был известен с III века до Р. Х. Здесь погребальному плачу предшествовало празднество бракосочетания Адониса с Афродитой, во время которого изображения обоих божеств выставлялись на носилках в комнате, украшенной гирляндами, венками и корзинами со зрелыми плодами. На следующий день праздновалась смерть бога; изображение его с громким плачем относили к морю и ввергали его в волны:

Киприда, наслаждайся сегодня со своим супругом.

Завтра женщины отнесут его

По утренней росе к морю,

Где волны бьются об утесы.

Печаль распустит их волосы,

Платья их раскроются и спадут,

Из обнаженных грудей раздастся плач.

(Из Феокрита, XV Идиллия, ст. 131 сл.)

«Но плачь их не безнадежен, они поют о том, что погибший снова вернется».

Наряду с Библосом, финикийские колонии Амаф и в особенности Пафос на южном берегу Кипра были также центрами культа Адониса. Здесь этот культ был так сходен с культом Озириса, что часто смешивался с ним. В царских гробницах в Микенах ¹⁾ найдена была золотая модель святилища в Пафосе, изготовленная, по крайней мере, за 1200 лет до Р. Х.

¹⁾ Микены — древнегреческий город, разрушенный за 463 года до Р. Х.

Значение этого святилища видно также из того, что Катон Старший предлагал Птоломею Авлету, изгнанному своим народом в 57 году до Р. Х. из Египта, управление храмом в Пафосе, как достаточное возмещение в смысле денег и почестей. Еще и теперь женщины в Куклии, прежнего Пафоса, натирают свое тело маслом в честь вифлеемской девы, заменившей в их глазах старую богиню-мать.

Из Кипра культ Адониса перешел также к грекам. Уже Сапфо ¹⁾ в 600 году до Р. Х. воспевает его, а Платону известны сады Адониса. Это наполненные землей горшки или черепки, в которых засеивали быстро прораставшие семена ²⁾. В летнюю жару они быстро расцветали и также быстро увядали: символ растительности, распускающейся весной и вскоре погибающей, и ее божества. Подобно тому как в других местах поступали с изображением самого бога, эти черепки бросались затем в воду. Первоначально это делалось для сохранения силы природы, находящейся в воде, как мужского начала, в противоположность силе природы, заключенной в воде, как женского начала.

В отраженном изображении греческого мифа Адонис является милым мальчиком, которого Афродита передает в ящике на сохранение Прозерпине, богине преисподней. Но Прозерпина не хочет возвратить прекрасного мальчика, и Зевс разрешает спор: $\frac{1}{3}$ года мальчик должен проводить на земле, $\frac{2}{3}$ — в преисподней. Третью часть года означает продолжительность весны. В конце концов прекрасный юноша лишается жизни на охоте за диким вепрем, и Афродита горько плачет о погибшем. Художественное изображение плачущей богини с мертвым возлюбленным на руках яви-

¹⁾ Сапфо или Сафо — знаменитая греческая поэтесса. Жила в Митилеях на острове Лесбосе за 600 лет до Р. Х.

²⁾ Не отсюда ли обычай на пасху засеивать овес, ячмень, кресс-салат и другие быстро всхожие и зеленеющие растения?

лось прототипом для знаменитого творения Микель-Анжело: «Pieta».

В Аттике праздник Адониса приходился на позднее лето. Когда Алкивиад летом 411 года до Р. Х. собирался отправиться в свой известный поход на Сицилию, в Афинах как раз праздновали адонии. Это обстоятельство сочли за дурное предзнаменование; следовательно, в Афинах праздник состоял только из траурного торжества по поводу смерти бога. То же самое приходится сказать и о празднике Адониса в Антиохии, который происходил как раз при первом въезде императора Юлиана в этот город. Весь город тогда оглашался плачем по умершем боге. Павзаний сообщает, что в Аргосе женщины оплакивали Адониса, но мы не знаем, когда происходил там этот праздник.

Иудеям культ Адониса был уже известен с VIII-го века до Р. Х., как это показывает упоминание о садах Адониса у Исаии 17, 10 и сл. Многие другие места также толковались в смысле такого знакомства с культом Адониса, например, плач о «единственном сыне» у Амоса, 8, 10, сравни также у Иеремии 6, 22; 22, 18; 34, 15. у Захарии 12, 10; псал. 35, 14; 1 Цар. 13, 11 по LXX. Важнее всего однако то место в книге Даниила 11, 37, где «радость жен» означает бога, соответствующего только Адонису или Таммузу: его почитают в особенности женщины, он был возлюбленным богини. Несомненно, что описанный у Иеремии (44, 17—19) культ «богини неба» относится к одной из матерей-богинь, к Иштар или Бельти-Афродите. Не только отдельные места, но и целые рассказы, как, например, жертвоприношение Исаака, история Иосифа и в особенности сказание об Ионе, ставились в связь с мифами о Таммузе-Адонисе. Рассказ о пребывании Ионы в чреве рыбы возник из первоначального рассказа о пребывании бога в преисподней; это ясно доказывается применением тех же понятий к пребыванию Христа в недрах земли у Матфея 12, 40. Описание траурного празднества в Ниневии ясно на-

поминает праздник Адониса в Антиохии. Наконец, чудесный куст, так быстро расцветающий и снова увядающий, должен быть, повидимому, также поставлен в связь с садами Адониса.

Особого внимания заслуживает также рассказ отца церкви Иеронима. По его словам, Вифлеем, традиционное место рождения Иисуса, был окружен рощей Адониса (Таммуза), и на том самом месте, где некогда плакал Христос дитя, оплакивался возлюбленный Венеры. Невероятно, чтобы этот культ возник в Вифлееме лишь в послехристианское время, как это думает отец церкви ¹⁾. Может быть, великий плач Рахили, т.-е. женщин вифлеемских, у Матфея 2, 18, старше, чем рассказ об избииении детей Иродом? И не находилась ли светлая звезда, указавшая путь в Вифлеем восточным волхвам, в связи с более древним культом какого-нибудь бога, господствовавшим в этой местности? В Антиохии восход светлой звезды, по всей вероятности, священной утренней звезды Астарты, играл также большую роль в культе Адониса: он указывал начало праздника.

В более позднее время Адонис изображается большей частью в виде зерна, вложенного в землю и умирающего в ней: сравнение, которое, как известно, применяет к себе и Христос четвертого евангелия (Иоан, 12, 24). Но такое представление об Адонисе, как и почитание его в виде солнечного бога не являются первоначальными. Как охотник или пастух, он скорее бог полей и символизирует своей ранней смертью бренность природы. Может быть, его культ первоначально восходит даже к поклонению какому-либо отдельному дереву. Тем не менее достойно внимания, что впоследствии с траурным празднеством в честь его смерти стало также соединяться радост-

¹⁾ Достоверно установлено, что он существовал задолго до христианства.

ное торжество в честь его воскресения. Основания для этого мы можем найти лишь в тех надеждах, которые связывались для верующих почитателей этого бога с его культом.

Как Адонис соответствует Таммузу, так и тирский Мелькарт соответствует вавилонскому Мардуку. Греки отождествляли этого бога, как и некоторых других, с Геркулесом, сыном Зевса и Астерии (Астарты), который согласно мифу сжег сам себя в Тире и поднялся из огня на небо в туче, при ударах грома. Праздник смерти и воскресения этого бога происходил в месяце Пейритие (февраль—март); II Макк. IV, 18—20 упоминает, что этот праздник бывает раз в четыре года. К этому празднику карфагеняне присылали в свою метрополию, Тир, особые посольства. Даже в Гадесе, теперешнем Кадиксе, на атлантическом берегу Испании, тирский Мелькарт-Геркулес имел знаменитое святилище, к которому совершали паломничество многие известные римляне; его посетил также Ганнибал перед своим переходом через Альпы. В храме не было никаких изображений, только на алтаре поддерживался вечный огонь. Богу в этом храме служили жрецы, одетые в белые одежды с остриженными волосами и с голыми ногами, принесшие обет вечного целомудрия. С ежегодным сожжением Мелькарта связывалось представление о том, что сам бог, очищенный от всякой грязи, возносится на небо для новой жизни.

Аналогичен был культ Сандана, Ваала города Тарса, места рождения апостола Павла. Он изображается стоящим в середине алтаря, а над ним парит орел с распростертыми крыльями. Как известно, орла выпускали также из костров, на которых сжигались умершие императоры; орел изображал апофеоз покойника.

Аналогичные празднества мы встречаем и в культах Ибраеза в Каппадокии и других Ваалов малоазийских народностей. На основании сохранившихся на

памятниках иероглифов (фигурных надписей) эти боги признаются отчасти хеттитскими. Хеттиты были арийского, а не семитического происхождения; некоторое время в древности они властвовали над всей серединой Малой Азии.

Наконец, здесь же следует упомянуть в нескольких словах о Тилоне, лидийском герое, сыне Зевса: его смертельно ранила змея, но он снова ожил и удостоился божественного достоинства.

К сожалению, обо всех этих культах до нас дошло слишком мало известий. Лишь относительного одного финикийского бога мы имеем рассказы, хотя довольно поздние, о его смерти и воскресении. Мы говорим о Эсмуне Сидонском. Прекрасный юноша, сын финикийского Садика, Эсмун подвергается преследованиям влюбленной в него богини Астроноэ, в отчаянии сам отрубает у себя детородный член и умирает от раны. Но богиня воскрешает его при помощи тепла, производящего жизнь, и превращает его в бога.

Его культ был широко распространен в Финикии и ее колониях. Возможно, что Эсмун тождествен с карфагенским богом Иолаем. Греки отождествляли его с своим богом-исцелителем Асклепием. Первоначально Эсмун был также богом исцелителя; доказательством служит посвящение ему змеи, символизировавшей дар пророчества и целебных сил природы. На найденной в Алжире древней пунической (карфагенской) повязке изображены рядом с двумя божествами змеи с правой и с левой стороны; одна из них обвилась вокруг столба с поперечным брусом. Как тесно связано было понятие божественного спасителя с змеей, показывает также символ, вложенный в уста Христа четвертого евангелия (Иоан. 3, 14).

Но у иудеев в их официальном храме в Иерусалиме во время Езекии было такое божество-змея не только в качестве символа, но и в действительно-

сти. Она называлась Нехуштан; это было медное изображение, которому был посвящен особый культ, как это явствует из 2 Цар.18, 4. Культ Нехуштана оправдывался рассказом числ 21, 4—9 о медной змее, сделанной Моисеем в пустыне. Но и культ Ягве, как бога-исцелителя, наряду с первоначальным культом его, как бога грозы, не может быть объяснен вне таких не иудейских влияний. Имя Рафаэль (бог-исцелитель), как имя особого, посланного богом, «спасителя», встречается впервые только в книге Товита 5, 4.

М а л а я А з и я.

Аттис во Фригии был тем же, чем Адонис в Сирии. Но культ Аттиса получил гораздо более крупное значение, благодаря раннему своему переселению в Рим. Поклонение Аттису находилось в связи с культом *mater deum magna idaea*, великой метери богов Кибелы, часто называемой вкратце *magna mater*, великой матерью.

Чудесно рожденный девственной Наной, Аттис— такой же молодой, прекрасный пастух, как и Адонис. О его смерти существуют два различных мифа. Согласно лидийскому мифу, он был умерщвлен, как и Адонис, вепрем. Согласно фригийскому варианту, ревнивая Кибела поразила его безумием, и он умер под елью, оскотив сам себя. Местный вариант, идущий из Пессина, где находилось главное святилище Кибелы, превращает Аттиса в вечно зеленую ель. Наша обычная рождественская елка была священным деревом Аттиса.

Вследствие предсказания известных книг Сивиллы, что чужеземный завоеватель Ганнибал покинет италийскую почву лишь тогда, когда в Риме будет воздвигнуто место для культа великой богини, в 204 г. до Р. Х. был перевезен священный камень Кибелы из Пессина в Остию, а затем торжественно перенесен в Рим. Это было замечательное событие во всемирной истории, так как оно означало начало постепенного завоевания Запада восточной религией и культурой. И это завоевание было более важным событием для хода всемирной истории, чем обратное подчинение Востока римскими легионами. Фригийский культ, впрочем, еще долго был исключен из области публичного отправления, и только в 54 году после Р. Х. он был

принят императором Клавдием в число официальных религий Рима и в состав государственного праздничного календаря.

Торжество в честь Аттиса праздновалось в Риме во время весеннего равноденствия. 22 марта срубалась ель в священной роще богини; ствол обвязывался белыми повязками и фиалковыми венками; в центре укреплялось изображение молодого человека. Все это особые носильщики, дендрофоры (древноносцы) вносили в святилище. На следующий день происходил праздник *Tubilustrium*, освящения труб. 24 марта было *dies sanguinis*, днем крови, когда вокруг изображения бога происходили восторженные танцы под дикое бряцание кимвалов и под крикливые звуки флейты ¹⁾. При этом галлы, жрецы евнухи Аттиса, царапали себя до крови ножами и острыми камнями и обрызгивали кровью изображение бога. Объятые диким неистовством, фанатики здесь же оскотпляли себя и посвящали себя служению богу. 25 марта происходило радостное торжество *hilarii*. Возвещалось воскресение бога, и громкий плач внезапно сменялся самым необузданным весельем. Начиналось нечто вроде карнавала, во время которого господствовала известная безнаказанность. 26 марта было днем отдыха, а 27-го происходила торжественная церемония очищения изображений богов и их священной колесницы в речке Альмо, впадавшей недалеко от Рима в Тибр.

В других местах хоронили изображение Аттиса. В ту ночь, когда плач достигал высшего предела, вдруг зажигался свет. Гроб открывался, бог воскресал. Жрец натирал губы праздновавших священным маслом и произносил шопотом следующие слова: „утешьтесь, благочестивые, ибо бог спасен: так и вам будет спасение в нужде“. Эта летургическая формула, одна из нем-

¹⁾ Танцы („скаканье и плясанье“) играли большую роль в молитвенных обрядах. Псалмопевец Давид изображается скачущим в религиозном возбуждении. В древности многие молебны сопровождалась танцами и музыкой. Сравни с христианскими радениями или магометанскими „Шахсей-Вахсей“.

ногих дошедших до нас, драгоценна: она свидетельствует о полной вере почитателей Аттиса в свое спасение путем мистического общения с богом. В ней идет речь именно о спасении от смерти, как это подтверждает рассказ неоплатоника Дамасция (около 458—533 после Р. Х.). Ему во сне в Гиераполисе были показаны богиней Кибелой празднества в честь Аттиса (*hilarii*). „При посредстве этих гиларий,—говорит Дамасций,—нам выпадает в удел избавление от Гадеса“¹⁾. Еще более выступает религиозно-нравственное значение культа Аттиса в тайных мистериях, которые устраивались специально для посвященных параллельно с публичными торжествами. Мы знаем очень мало об этих тайных обрядах. Им во всяком случае предшествовали очистительные омовения, аскетическое воздержание от известных родов пищи и в особенности от половых сношений. Этим обеспечивалась ритуальная чистота, требовавшаяся для освящения. Первая степень освящения заключалась, повидимому, в священной трапезе. „Я ел из Тимпанона, я пил из Кимвалона; я посвятил себя Аттису —так гласит одно из изречений, относящихся к этому освящению. Барабаны и кимвалы были обычными инструментами на праздниках Аттиса. Трапезы, вероятно, состояли из хлеба, вина и запрещенной в других случаях рыбы. Это те же элементы, о которых идет речь и в евангельских рассказах о насыщении Иисусом 5.000 человек и о тайной вечере.

Дальнейшим актом освящения было совершение таураболий и криоболий (принесения в жертву тельца и барана). Посвященный спускался в яму, весь покрытый льняными тканями, как мертвец. Над ним помещалась решетчатая переборка, на которой приносился в жертву священный телец или баран. Участник мистерии жадно пил струившуюся через решетчатые

¹⁾ Гадес—царство мертвых в греческой религии.

отверствия кровь и старался, чтобы кровь по возможности соприкоснулась со всем телом. Омывшись в крови священного животного, участник мистерии подымался вверх из символического гроба, возродивший к вечной жизни. Как пережившему мистическое единение с божеством, ему воздавались божеские почести. Его возрождение символически выражалось также в том, что ему, как новорожденному, давали пить молоко.

Наиболее важна связь культа Аттиса с культом Митры. Когда культ Митры появился в Риме, он нашел себе защиту под крылом публично признанного и любимого культа Аттиса. Обе религии жили во всем обширном римском государстве в самой тесной связи друг с другом. При такой связи культ Аттиса позднее во многих отношениях настолько походил на христианский, что, как сообщает Августин, жрец Кибелы мог утверждать: *et ipse, pileatus Christianus est*, т.-е. „и тот, который носит фригийскую шапку (Аттиса), сам также христианин“. Аттис и его верховный жрец в Риме назывался (*papas*) папас, и, как римский папа, он слыл „отцом отцов“ (*pater patrum*). Он носил тиару, как и его преемник на престоле Петра, да и самый этот престол, если судить по находящимся на нем эмблемам, сохранился с языческих времен. На том месте, где теперь подымается купол храма св. Петра, некогда находилось святилище фригийского бога; соединив в себе и культ Митры, оно стало важнейшим местом культа в языческом римском государстве. Культ Аттиса как мы увидим ниже, не столько вытеснен христианской церковью, сколько впитан ею в себя.

Греция.

Наиболее тесно связан с фригийским Аттисом, повидимому, фракийский Дионис. Это обнаруживается как из отождествления их обоих с Сабацием, так и из некоторых мифов, которые рассказывают, например, об исцелении Диониса от безумия богиней Кибелой. Дионис считался сыном Зевса и Персефоны. Уже в детском возрасте он получает от Зевса владычество над миром. Но Гера подстрекает против него титанов, врагов Зевса. Дионис убегал, меняя свой внешний образ (как солнце проходит через меняющиеся знаки зодиака), но в конце-концов, когда он принял вид тельца, его настигли титаны и разорвали его на части. Согласно одному мифу, титаны проглатывают его члены; уцелело только сердце, которое съедает Зевс, и тогда новый Дионис рождается на свет. Зевс убивает молнией титанов, из их тел возникают люди, которые поэтому наделены наполовину дикой природой титанов, наполовину божественной природой Диониса. Поэтому, люди ищут и находят спасение своей божественной природы в единении с богом. Согласно другому варианту, все разорванные члены Диониса были принесены Аполлону, который соединяет их и хоронит их в Дельфах, где и показывали гробницу Диониса. У Оригена мы, наоборот, находим рассказ об оживлении разорванных членов после их соединения. Второй вариант мифа, вероятно, подвергся влиянию культа Озириса.

Богослужение происходило у фракийцев в ночное время в виде оргиастических плясок. Факелы то зажигались, то потухали, гремела дикая музыка кимвалов и флейт. Размахивая тирсами (жезлами), почитатели бога преследовали быка, в лице которого они

чтили явление своего бога, рвали его на части своими зубами и проглатывали сырое мясо. Они верили, что таким образом происходит соединение их с божеством и спасение от смерти. Энтузиазм, божественное безумие и неистовство были здесь целью и кульминационной (высшей) точкой культа.

Этот культ, смягченный и углубленный «Орфеем»¹⁾ был перенят греками и получил у них самое широкое распространение в орфических сектах с их тайными учениями и мистериями, в которых переживались «страсти» Диониса. Своим почитателям Дионис казался специально великим «освободителем», в мистическом (таинственном) единении с которым можно достигнуть освобождения от земных цепей, страданий и смерти. Ему была посвящена виноградная лоза, как Деметре в элевзинских мистериях—зерно ржи.

В Крите показывают могилу Зевса аналогично тому, как в Дельфах показывали могилу Диониса. Здесь также следует упомянуть о вышеназванном Геркулесе и других героях, вырванных из рук смерти и превращенных в богов. Так, ежегодно летом праздновался трехдневный праздник в честь Гиакинфа (Гиацинта), убитого Аполлоном во время игры в диск, затем воскресшего и вознесенного на небо. В этом празднике совмещались и плач по поводу смерти бога, и радость по поводу его воскресения и вознесения на небо. На его гробнице в Амиклах близ Спарты изображено, как боги возносят его на небо. Он ясно отражает в себе также весеннюю растительность, которая получает летом смертельные удары от лучей солнечного диска (сравн. солнечного бога Аполлона с круглым диском), но потом снова пробуждается к жизни и цвету.

¹⁾ Греческие религиозные секты.

Египет.

В древнем Египте ежегодно торжественно праздновались смерть и воскресение Озириса. Первоначально и он был растительным богом, собственно богом зерна. Но параллельно с огромным распространением его культа, на него были перенесены атрибуты (свойства) и силы многих других богов. Позднее он в виде Сераписа (составленного из египетских Озирис-Апис или вавилонских Озирис-Апои) достиг почетного положения высшего божества вообще. Плутарх подробно передал нам миф, относящийся к этому богу; недостающие черты могут быть дополнены по многочисленным сохранившимся египетским памятникам.

Озирис — сын Кеба, бога земли, и Нут, богини неба. Когда Ра, бог солнца, узнал о неверности своей жены, Нут, он дал обет, что она не получит ребенка ни в какой день года. Но Нут имела другого друга, Тота, который выиграл у бога луны $\frac{1}{72}$ каждого года (5 прибавочных дней к 360 дням лунного года). В каждый из этих пяти прибавочных дней Нут дарила жизнь одному ребенку: в первый день — Озирису, во второй — старшему Гору, в третий Сету, в четвертый — богине Изиде, в пятый — богине Нефтис. Когда родился Озирис, раздался могучий голос, возгласивший, что пришел владыка мира.

Озирис правил 28 лет в качестве царя, освободил египтян из дикого состояния и научил их земледелию, плодоводству и разведению винограда. Затем он оставил страну и отправился путешествовать, распространяя везде основы нравственности и культуры. По его возвращении его злой брат Сет устроил заговор против него. Сет сделал драгоценный ящик и обещал подарить его тому, кто как раз войдет в него. Когда Ози-

рис, ничего не подозревая, лег в ящик, Сет прихлопнул крышку и бросил ящик в Нил. Ящик уплыл к Библосу, где его нашел царь и поставил в качестве колонны в храме Бельти Афродиты.

Изида в отчаянии остригла волосы, одела траурное платье и с плачем стала искать своего исчезнувшего брата и супруга. Когда она нашла ящик и получила его обратно от царя, она вернулась с ним к нильской дельте и спрятала его в тростнике. Здесь нашел его Сет и в полнолуние во время охоты разорвал труп на части и рассеял их по всей стране. С плачем плавала Изида вверх и вниз по реке, разыскивая рассеянные части трупа своего супруга. Плутарх рассказывает, что она погребла их там, где нашла. Но по первоначальным египетским мифам, она собрала их и стала плакать над ними вместе со своей сестрой Нифтис. Ра смилостивился и послал с небес бога Анубиса с головой Шакала. Анубис, при помощи Тота и Гора, соединил разорванные члены Озириса, завернул их в льняные ткани и проделал все обряды, обычные в Египте при погребении покойников. Таким образом ему удалось снова пробудить Озириса к жизни, и с тех пор Озирис правит на том свете, как царь и судья мертвых. К его судейскому столу должны являться все мертвецы исповедаться и получить награду за свои добродетели в вечной жизни и наказание за свои грехи в вечном уничтожении.

Исповедь, которую вкладывает древняя «Книга Мертвых» в уста умершему, по своему содержанию напоминает аналогичный страшный суд в евангелии от Матфея 25, 31 и сл.: «Я дал хлеб алчущему и одел нагого; я перевез на своем судне того, кто не мог пройти через воду; я был отцом для сирот и мужем для вдов, защитником от ветра для тех, кому было холодно; я тот, кто говорит и рассказывает о добре; я приобрел свое достояние по справедливости».

Египтяне видели в пробуждении Озириса гарантию того, что и их мертвецы будут жить после смерти за

могилой. Мертвец отождествлялся с Озирисом и носил его имя. «Он также верно будет жить, как живет Озирис; он также верно не умрет, как не может умереть Озирис; он также верно не будет уничтожен, как не может быть уничтожен Озирис». Это воскресение из мертвых представлялось по аналогии с воскресением Озириса не духовным, а чисто телесным. «Они обладают своим сердцем; они обладают своими чувствами; они обладают своим ртом; они обладают своими ногами; они обладают всеми своими членами».

Празднества в честь Озириса приходились на осень, начиная с 17 по 20 атира (13—16 ноября). В это время в Ниле спадала вода и засеивалась рожь, а в посеве не одни только древние египтяне видели символ погребения и смерти. «Кто сеет со слезами, будет пожинать с радостью. Они расхаживают, плачут и приносят свои семена для посева; но с радостью они приходят и относят свои снопы» (псал 126, 5 сл). Таков же и первоначальный мотив празднеств Озириса.

Эти празднества были различны, но все они сопровождались большой пышностью и торжественными процессиями. Содержанием их всегда являлось двойное драматическое представление траурных поисков мертвого Озириса и радостного обретения и воскресения его.

У такого народа, как древние египтяне, у которых вера в потусторонний мир играла столь важную роль, божество, гарантировавшие жизнь после смерти, естественно должно было получить выдающееся значение. Так, Озирис из бога зерна стал солнечным богом и в особенности, в качестве Сераписа, занял положение, почти равное положению Атгиса. Глубокая древность веры, организованность духовенства, достойные уважения обряды и блестящие процессии доставили этому культу доступ в римский мир и способствовали переходу старой веры в новую, последнее наследие которой затем досталось христианству.

Персия.

Персидский культ Митры появился в Риме позже всех остальных восточных религий. Он, однако, быстрее всех совершил свое победоносное шествие по всему государству до Рейна и Дуная. Когда римский мир познакомился с Митрой при посредстве побежденных Помпеем ¹⁾ киликийских пиратов, Митра был светлым солнечным богом, «прекрасным, как Аполлон²⁾, и победоносным, как Арес ³⁾». Но связь его с богиней плодородия, Анагитой, почитание его в подземельях и склепах и в особенности его роль, как убийцы быка, все это, повидимому, вскрывает его первоначальную связь с растительными богами. Авеста ⁴⁾ утверждает, что Митра, был некогда сам быком и в качестве такового был зарезан. Некоторые ученые, как, например, Робертсон, относят к Митре рассказ Павзания о каменном изображении бога, которое кладут на носилки и хоронят и воскресенье которого чествуют. Как ни относиться к этому рассказу, Митра, несомненно, принадлежит по своей приро-

¹⁾ Римский полководец.

²⁾ Аполлон—первоначально бог солнечного света со всеми его хорошими и вредными влияниями.

³⁾ Арес-Арей Марс —божество, рождающееся для борьбы с холодом и мертвыми силами природы, божество победоносного света и солнца. Потом—бог войны.

⁴⁾ Авеста („знание“)—„священное писание“ персов. Авеста заключала в себе всю тогдашнюю персидскую науку, облекала собой все производственные отношения людей, содержала в себе организационные жизненные указания, рецепты, опыт, „заветы предков“. „Знание“ осуществлялось благодаря откровению: пророк будто бы получал „закон“ в беседах с богом или с его духами, чтобы возвестить его людям. Иногда „Авеста“ называется „Зенд (Зенд-предание) Авеста“, что значит „комментированное, истолкованное знание“.

Первоначальная Авеста представляла обширную литературу, но большая часть ее погибла. В качестве научных исследований содержания Авесты известны буржуазные ученые Найд'у и Виндишмани.

де к числу упомянутых растительных божеств. На одном рельефном изображении представлено его вознесение на небо в тот самый момент, когда солнечный бог принимает его в свою колесницу. Но, повидимому, в мифе о Митре, как и о вавилонском Мардуке, в тот момент, когда мы знакомимся с ним, смерть и поражение уже почти совершенно вытеснены его победоносной солнечной природой. Поэтому, культ Митры явился кристаллизацией ¹⁾ всевозможных семитических и малоазийских учений, обрядов и культов и так сильно повлиял на образование и преобразование языческой, иудейской и христианской религий, что мы вынуждены обращаться к нему при всяком вопросе, касающемся взаимных отношений этих религий.

Митра родился 25 декабря, в день зимнего солнцестояния. Миф утверждает, что он вышел из камня или родился в подземельи. По очень древнему преданию, рождение Иисуса также произошло не в хлеве, а в подземельи. И в том, и в другом случае первыми почитателями чудесного дитяти явились пастухи. И подобно тому, как Митра называется рожденным от камня, так и Христос обозначается, как камень (I послание к Коринфянам 10,4). Это прозвище «камень» (Kerphas Petrus) получил затем и Симон, главный апостол Христа, которому были присвоены также петух и ключи, атрибуты солнечного бога.

Главным подвигом Митры было умерщвление быка, мифического первобытного существа, из крови которого произошла вся сила земного плодородия. Благодаря этому подвигу Митра слыл создателем всего. А так как это умерщвление быка должно повториться в конце времен и вызвать новое создание мира, то Митра мыслился также как спаситель мира, при посредстве которого должно произойти это воссоздание и воскресение мертвых.

¹⁾ Вытяжкой наиболее выдающихся моментов.

По отношению к другим богам Митра занимает положение посредника. Он «посредник» между Агура-Маздой и человеком, он его победоносный помощник в борьбе с врагом Ангра-Майнью. Как бог войны, он дарует войскам победу; человеку он помогает в борьбе со злыми духами Ангра-Майнью. Если допустить, что представление в роде *militia Christi* ¹⁾ можно проследить уже в Новом Завете и в особенности у Павла, то оно должно быть тесно связано с теми взглядами, которых придерживались почитатели Митры о своем отношении к богу. Среди лиц, посвятивших себя Митре, была известная степень, на которой посвященные носили имя воинов, *milites*. Также христиане, следуя своему богу, должны были бороться не против плоти крови, а против силы тьмы, против злых духов поднебесья. (Ефес. 6, 10 сл.).

Особенно важно, что Митра перенял также роль персидского Мессии, Сашианта. Рожденный девственницей, он явится в конце времен с далекого востока и освободит мир от тленности и смерти. Он будет называться Астфатерта, превратившееся в плоть божество. Он окончательно поразит Ангра-Майнью, духа злобы, и будет властвовать в грандиозном великолепии над обновленным миром.

Итак, Митра является создателем мира, посредником и спасителем. Уже в иранской религии он помогает душам переходить страшный мост Цинват и, согласно Юлиану, отводит души умерших на тот свет. Там он является судьей, и к его судейскому столу должны приходить все умершие. Все эти представления так же мало согласованы одно с другим, как и в новозаветном учении о Христе.

Наконец, следует еще упомянуть о связи культа Митры с астрологией ²⁾. Эта связь выражается уже

¹⁾ *Militia Christi* — „воинство Христа“, „воинство Христово“.

²⁾ Астрология — мнимая наука распознавать волшебное влияние небесных светил на судьбы людей и на явления природы, а также предсказание будущего по положению звезд.

в том, что Митра окружен семью Амеша-Спента, первоначально означавшими семь планет и перешедшими к иудеям в качестве семи архангелов. Еще более обнаруживается эта связь из того, что двенадцать богов—знаков зодиака также принадлежат к двору Митры. Они также постоянно окружают его, как в евангелиях двенадцать апостолов окружают Иисуса.

Служение Митре происходило в подземельях, погребам и склепам. На заднем плане находилось рельефное изображение убийцы быка, в центре горел неугасимый огонь. Посвященные распадались на 7 степеней и называли друг друга братьями, как христиане. Их глава носил имя *pater patrum*, отца отцов, как в культе Аттиса. Он мог жениться лишь один раз, как у христиан. В культе Митры были также священные девы и воздерживающиеся, дававшие обет целомудрия.

Тертуллиан ¹⁾ называет мистерии ²⁾ в честь Митры, подробностей которых мы, к сожалению, не знаем, таинствами. Они имели не только ритуальное ³⁾, но и этическое ⁴⁾ значение и заключались в омовениях, священных трапезах и в помазании лба, которое Тертуллиан сравнивал с христианской конфирмацией ⁵⁾.

Но ни теология ⁶⁾, ни культ не были причинами выдающегося значения культа Митры. Важнее всего были его дуализм и этическое начало. Дуализм заключался не в противоречии между духом и материей, душой и телом, но в противоречии между светом и тьмой, между добром и злом, истиной и ложью. Здесь были противопоставлены друг другу не бог и мир, а добрый бог Агура-Мазда злому богу Ангра-Майнью. Борьба между этими силами, происходящая одновременно и на земле и на небе, и составляет

¹⁾ Тертуллиан—христианский писатель, живший в конце II века.

²⁾ Тайные религиозные церемонии. В драматической форме они нередко представляли историю соответствующего божества.

³⁾ Богослужбно-обрядовое.

⁴⁾ Нравственное, моральное.

⁵⁾ У католиков „таинство миропомазания“.

⁶⁾ Вероучение.

мировую драму, которая должна окончиться победой добра. Этот дуализм был также движущим мотивом нравственности, которой он непосредственно ставил совершенно практическую цель. По Юлиану, «этика» состояла из определенных «заповедей», которые, к сожалению, нам не известны. Прежде всего она требовала правдивости и была этикой настроения. Чистые мысли, чистые слова, чистые дела. Этический дуализм—общая черта парсизма и христианства. Поэтому парсизм и был лучшим предшественником христианства, подготовившим ему почву, поэтому он был также и его последним и опаснейшим противником.

Если мы еще раз окинем взором длинный ряд описанных нами культов, то среди пестрого многообразия бросится в глаза их единство и связь в главном, может быть объясняющиеся общим происхождением, и во всяком случае, выражающиеся в их взаимном смешении. Для нас, как и для современников, часто даже трудно точно определить, к какому культу первоначально принадлежали дошедшие до нас воззрения и обряды.

Единство восточных религий выражается прежде всего в их противоположности старым государственным религиям греков и римлян. Последние главным образом заботились о благе государства и требовали подчинения отдельной личности целому. Восточные религии равнодушно относились к государству и имели дело с будущим спасением души отдельной личности. Идеал аскета и праведника заступает в них место идеала патриота и народного героя ¹⁾. Так как, по известному выражению Гёте, «все эпохи, находящиеся в процессе падения и разложения, являются субъек-

¹⁾ На самом деле никакой такой разницы между восточными религиями и старыми государственными религиями римлян и греков не было. На известной степени развития религия становится государственным учреждением, царь и верховный жрец в восточных религиях сливаются часто в одном лице и религия всюду становится одним из орудий государственного влияния на массы.

тивными», то часть вины за разложение древнеримского государства возлагали на проникшие в него восточные религии. Но распад уже был на лицо, налицо было и разрушение старой религии философией, когда восточные религии стали приобретать влияние. Они только ускорили процесс разложения.

Они же дали древнему миру—и в этом заключается их значение—положительную замену потерянной религии, предложенная ими вера повышала ценность отдельной личности и расширяла понимание общечеловеческого. Для них имел значение не иудей или грек, не раб или свободный, а только человек. Так подготавливали они почву для религии человечества.

В центре многих, наиболее значительных из этих культов находился образ бога-спасителя, который не властвует спокойно в надзвездном пространстве, подобно высшему богу, «ветхому днями», а, наоборот, тесно связан с человеческой судьбой своим рождением, своими страданиями и смертью. Победоносно восстав из мертвых, он гарантирует и своим почитателям спасение от смерти и вечную жизнь в потустороннем мире. Путем мистического (таинственного) единения с богом в священных обрядах, крещениях и трапезах люди надеялись получить в удел вечное спасение. Единение с божеством заставляло посвященных также собираться в союзы и братства для устройства мистерий и образовывать нового рода общину среди людей: религиозную общину.

Все эти черты имеют немало сходства с учением и мифологией (сказаниями христианства, по крайней мере, с точки зрения тенденции), т.-е. линией их развития, и возникает вопрос, в каком же отношении были эти восточные религии с христианской.

Отношение восточных религий к христианству.

Возникающий перед нами вопрос получает в особенности большое значение в силу того, что он ставится самым новым заветом. Дело в том, что нарисованный в новом завете образ Христа отнюдь не может быть признан последовательным развитием образа исторического Иисуса.

В особенности ясно показывает это образ Христа, нарисованный в откровении Иоанна. Оно изображает Христа закланным агнцем с семью рогами и семью очами. Разве эти черты имеют что-либо общее с исторической личностью Иисуса? Еще более это верно по отношению к описанию рождения Мессии в 12 главе. На небе является женщина, одетая солнцем, под ногами ее луна, а на главе ее венец из двенадцати звезд. Ее подстерегает могучий огненный дракон, сбрасывающий своим хвостом третью часть звезд на землю. Он хочет пожрать Мессию, как только последний родится от женщины. Но младенец, «которому надлежит пасти все народы жезлом железным», похищается к богу и его трону, а женщина убегает в пустыню. Для всякого, кто только хочет видеть, изображение Мессии чисто мифологического (сказочного) происхождения и не имеет ничего общего с историческим рождением Иисуса.

Но и самые существенные черты образа Христа, нарисованного Павлом, не зависят от исторической личности Иисуса. Сын божий и небожитель, сотворивший мир, и грядущий спаситель мира,—Христос у Павла является в образе человека на землю, чтобы умереть и потом воскреснуть в своем величии и вознестись одесную бога. Небесный образ Христа является безусловно главенствующей у Павла схемой (карти-

ной), в которую втиснуто, как эпизод (отдельная подробность), существование Христа в человеческом лице. И этот образ Христа, следовательно, не вытекает из земной жизни Иисуса, а требует совершенно других объяснений своего происхождения. И мы спрашиваем, вместе с Гункелем: «где же еще встречается представление, что сам высший бог остается в покое, а другой, ему подобный, но ниже его стоящий, выступает вместо него, что этот другой бог появляется на земле, умирает и воскресает, возносится на небо и там возвеличивается?». Ответ на этот вопрос уже дан нашим предшествующим изложением.

Но последний и самый решительный вопрос относится к воскресению Христа. Вера в воскресенье, как известно, является первоначальным содержанием новозаветного учения о Христе. Как же возникла эта вера? Ответ на этот вопрос не исчерпывается ссылкой на действительность факта события. Даже в новом завете эта вера основана главным образом на явлении воскресшего и доказательствах из писания. Но явления суть всегда субъективные (личные) переживания и предполагают психологическое (посредством чувств) посредничество. А так как вера в воскресение Христа обуславливает в свою очередь веру в его мессианическую (спасительскую) роль, то невольно напрашивается предположение, что понятие умирающего и воскресающего Мессии существовало уже где то ранее христианства и было лишь применено к Иисусу. Это предположение становится еще более вероятным при наличности «доказательств из писания», так как они, по мнению самих же авторов нового завета, отнюдь не были составлены уже после смерти и воскресения Иисуса для доказательства этих явлений.

Аналогии (сходства, сравнения) между древними религиями и христианством.

Сам новый завет отсылает нас для объяснения веры в смерть и воскресение Иисуса к истории религии. И действительно, сделанный нами обзор восточных религий дает поразительнейшие аналогии, краткую сводку которых мы даем в следующих положениях.

1) В некоторых восточных религиях, как и в христианстве, в центре поклонения и культа стояла вера в смерть и воскресение бога-спасителя, подчиненного высшему богу, иногда являющегося его сыном.

2) В некоторых восточных религиях праздник смерти и воскресения бога приходился на начало весны, как и в христианской религии смерть и воскресение Христа произошло во время праздника Пасхи.

3) В некоторых из этих языческих религий, как и в христианстве, праздник воскресения божества происходит на третий день или через три дня после его смерти.

4) Как указал уже Пфлейдерер, эта параллель (сравнение) может быть проведена и дальше: повторяется даже замечающееся в евангелиях колебание между третьим и четвертым (через три дня) днем; воскресение Озириса празднуется на третий, воскресение Аттиса—на четвертый день после смерти.

5) Далее, и в христианстве, и в восточных религиях смерть и воскресение бога имеют для верующих

спасительное значение; верующие получают таким образом спасение от смерти и воскресение для вечной жизни.

6) Это спасительное значение смерти и воскресения божества в обоих случаях достигается путем мистического общения верующих с богом.

7) Мистическое общение с богом выражается и происходит и у христиан и у язычников в виде священных обрядов, крещений и трапез.

Значение этих аналогий (сравнений) возрастает еще более, благодаря тому обстоятельству, что языческие культы, о которых мы говорили, процветали как раз в тех местах, где впервые возникли и распространились христианские общины, как, например, в Антиохии, Александрии, Риме.

Но не следует упускать из виду, что форма этих аналогий скорее указывает на происхождение из общего или по крайней мере сходного источника, чем на прямое заимствование. С этими аналогиями обстоит дело так же, как и о взаимном отношениях восточных религий между собой. Их близкое родство обуславливает собою их влияние друг на друга и смешение, а не наоборот. Общей предпосылкой является их однородное мифологическое происхождение; дальнейшее же их развитие происходит большей частью самостоятельно и поэтому различно.

Это различие между однородным мифологическим происхождением и прямой зависимостью мы должны иметь в виду и при объяснении установленных нами аналогий между христианской и восточной верой в смерть и воскресение божественного спасителя. Это различие имеет огромное значение для ясного понимания взаимных отношений; до сих пор оно еще не нашло себе принципиального (основного) признания и применения.

Отношения, которые могут быть твердо установлены.

В ответ на религиозно-историческое объяснение происхождения христианства постоянно повторяют одно и то же: аналогии ничего не доказывают. Это положение, конечно, верно в том смысле, что аналогичность (сходство) представлений еще не доказывают их взаимной зависимости. Они могут основываться, независимо друг от друга, на одинаковых или сходных предпосылках. Только вполне определенные характерные черты делают вероятной их более тесную зависимость друг от друга. Приведем пример из установленных нами аналогий. Представление о воскресении Иисуса «на третий день» или «через три дня» после его смерти вовсе не должно быть обязательно сведено к культу Озириса или Аттиса, но может получить самостоятельное религиозно-историческое объяснение, например, из того обстоятельства, что в течение трех дней во время весеннего новолуния луна совершенно невидима, или из какихнибудь других оснований. Но оно во всяком случае не может основываться на рассказе о том, что в пасхальное утро гроб Иисуса опустел, так как этому не соответствует определение времени. С другой стороны, одинаковое колебание относительно третьего и четвертого дня является столь характерной чертой, что, по крайней мере, относительно этого пункта может явиться предположение о прямом влиянии. Согласно евангелию от Матфея 12, 40 представление о «трех днях и трех ночах», которые пробыл Иисус в сердце земли, навеяно историей пророка Ионы, в свою очередь связанной с культом Аттиса.

Установленные аналогии могут, таким образом, покоиться как на непосредственной зависимости от какой-нибудь восточной религии, так и на сходном религиозно-историческом происхождении. Отношения первого рода, естественно, чаще всего замечаются при дальнейшем развитии веры. Более важными однако являются косвенные отношения, обусловившие при посредстве иудейства самое возникновение христианской веры. Они касаются не только внешних форм, но и самого возникновения этой веры.

Мы уже не раз указывали выше, в каких тесных отношениях были иудеи к восточным культам. Уже во время пророка Амоса, т.-е. в VIII веке до Р. Х., иудеи были знакомы с культом Аттиса, а пророк Иезекииль упоминает о празднике Таммуза, происходившем перед северными воротами храма. Еще христианский отец церкви Иероним знает о роще, посвященной в Вифлееме Таммузу-Адонису. Из рассказов об Илии известно, что финикийские культы Ваала глубоко проникли при царе Ахаве в северное израильское царство, и что супруга Ахавы, финикийская принцесса Иезавель покровительствовала им. Вефсамис был местом старинного культа солнца (I Сам. 6, 14). Далее широко были распространены массебы (солнечные столбы) и ашеры (камни Астарты). Перед храмом Соломона мы находим также, как и перед храмом Мелькарта в Тире, по образцу которого он был построен, два солнечных столба. Храм Соломона был обращен на восток, как и храм Мелькарта. В Иерусалиме не только распространялись слухи о поклонении Соломона языческим богам, но во время реформы культа при Езекии пришлось действительно убрать из официального храма целую кучу языческих божеств, в особенности медное изображение змеи Нехуштан. Адония также приносил жертву каменной змее пред воротами Иерусалима (I Цар. 1, 9); у Иова 31, 26 упоминается о «поцелуях руки в честь солнца и луны», ср. также Второз. 4, 19; 17, 3; II Сам. 12, 2;

II Цар. 21, 3, Иезекииля 8, 16. Иеремия неоднократно протестует против культа небесной богини Иштар или Бельти-Афродиты, а книга Есфирь показывает, как вавилонский культ и в более позднюю эпоху воздействовал на образование нового иудейского праздника.

Мы, конечно, не можем здесь перечислить все черты иудейской религии, вытекавшие из восточных религий. Повидимому, израильская литература и религиозная история должны быть рассматриваемы с этой точки зрения в еще большей степени, чем это обыкновенно делается. Так, нельзя не заметить, что Самсон, имя которого означает нечто вроде «нашего милого солнца», был первоначально солнечным богом, иудейским Геркулесом. Как и греческий Геркулес, он был известен своими подвигами. Он был острижен, ослеплен, поставлен между двумя «геркулесовыми столбами»; все это, наряду с его именем, является верными признаками его первоначального происхождения, как солнечного бога. То же самое относится к Еноху, который живым возносится на небо, после того, как прожил 365 лет (по числу дней солнечного года). Илия так же, как и Митра, возносится на небо на солнечной колеснице. В настоящее время еще является спорным вопросом, могут ли быть сведены к первоначальным рассказам о богах известные истории патриархов, Иосифа, Моисея, Иисуса Навина и другие израильские мифы. Но, например, Иошуа (еврейское название Иисуса) играл, по иудейским воззрениям, сверхъестественную роль; это явствует из того, что он есть тот ангел, упомянутый в Исходе 23, 20—23, в котором бог поселил свое имя. Названные в этой главе народы—как раз те самые, которых победил Иисус (книга Иисуса Навина 24, 11). Следы первоначальной божественной природы Иисуса видели также в том, что он начал свою деятельность в праздник Пасхи и избрал себе 12 помощников. По арабской традиции (преданию) он сын Мириам. Еще в вавилонском талмуде его имя играет особую роль. Также

указывают на единственное в своем роде значение, которое приписывается в книге Захарии, гл. 3 и 5, первосвященнику Иуоша. Но все эти вопросы еще не созрели для разрешения, и нельзя определенно заключить о дохристианском значании Иушуа—Иисуса. Для нас, впрочем, важно установить здесь только общее отношение израильской религиозной истории к восточным религиям.

При наличности такой общей подкладки становится понятным и восточное происхождение иудейского образа Мессии. Теперь невозможно придерживаться взгляда о происхождении его из царского дома Давида. Уже древнейший образ Мессии у Исаии, гл. 9 и 11, характеризуется сверхъестественными чертами. Мессия, который будет править отныне и до века, который называется божьим героем и извечным, который умерщвляет нечистых «духом уст своих», отнюдь не может быть по своей природе «чисто человеческим царем»; это сверхъестественное, мифологическое существо. В особенности характерна последняя черта, которая постоянно повторяется в последующих изображениях Мессии (ср. 2-ое послание к фессалоникийцам 2,8); Мессия уничтожит своих врагов огненным дуновением своих уст. Эта черта ясно указывает на его первоначальный характер солнечного божества. Иудейский монотеизм, который, конечно, не мог признавать никаких других богов наряду с единым богом, произвел и здесь, как и с Самсоном, Енохом и другими, эвфемистическое преобразование первоначального божества в извечного царя из дома Давида и тем самым сделал возможным признание его иудейской религиозной историей.

В более позднюю иудейскую эпоху эсхатология (учение о конце мира, о спасении), в особенности благодаря влиянию парсизма (религии Персии), все более и более стала превращаться в апокалиптику, врагами Мессии стали выступать уже не люди, а бесы и демоны. В образе Мессии на первый план стали

выступать его сверхъестественные черты, при чем присоединились еще новые добавления. Так, в 4 книге Ездры Мессия является человеком, поднимающимся из моря и летающим в небесных тучах, настоящим сыном морской глубины. По Апокалипсису Еноха, имя Мессии дано ему владыкой духов еще ранее, чем были созданы солнце, знаки зодиака и звезды небесные. Мессия является извечным сыном человеческим, который появится в конце времен на божьем престоле в качестве судьи мира. Книга Еноха доказывает, что этот образ сына человеческого не был иудейско-израильского происхождения, в ней сам Енох называется сыном человеческим, который возносится к богу на небо. Ясно, что и образ сына человеческого или извечного человека связан с древнейшими мифологическими воззрениями.

К тому же роду религиозно-исторических понятий принадлежит также образ страдающего и умирающего Мессии, как он нарисован в особенности у Исая, гл. 53. Теперь не подлежит почти никакому сомнению, что в этом месте под рабом божьим подразумевается не какая либо определенная историческая личность или сам народ Израиль, а тот таинственный Мессия, который умер в позоре за грехи народа, но в конце времен победоносно восстанет и явится заступником за свой народ. Аналогичный (сходственный) образ мы встречаем у пророка Захарии, который сам же проводит религиозно-историческую параллель с одним языческим божеством, смерть и воскресение которого тогда праздновались: «Они воззрят на него, которого пронзили, и будут рыдать о нем, как рыдают о единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце. В тот день подыметесь великий погребальный плач в Иерусалиме, как погребальный плач о Адад-Раммане в долине Мегиддо». (Захар. 12, 10 сл.). По книге Ездры 7,29 Мессия умирает, в то время как по Апокалипсису Варуха он является на землю, повидимому, вовсе не умирает и

снова возвращается на небо. И в новозаветное время в известных иудейских кругах было налицо это представление о страдающем Мессии. Это явствует не только из того, что в новом завете абсолютная необходимость страданий Христа так часто обосновывается ссылками на священное писание; об этом свидетельствует и Иустин, вкладывая в уста иудею Трифону слова: мы знаем, что Мессия будет страдать. Позднейшее иудейство различало между страдающим Мессией—бен Иосиф (сыном Иосифа) и между Мессией, победителем и царем—бен Давид (сыном Давида). Это различие напоминает различие между умирающим и победоносным богом Таммузом и Мардуком у вавилонян и Адонисом и Мелькартом у финикийян.

Если, однако, в этих случаях еще нельзя твердо установить взаимные отношения, то тем яснее они выступают при дальнейшем развитии христианского культа. Прежде всего, древнехристианское искусство образовалось под влиянием восточных религий. Мы уже выше говорили о мадонне с младенцем. Наряду с Изидой с ее младенцем Гором в данном случае также важно одно изображение Иштар: она прижимает левой рукой ребенка к своей груди и в то же время благословляет его правой рукой ¹⁾. На древнейших изображениях Христа, как известно, он представляется безбородым юношей и пастухом, как Адонис, Атис или Митра. Также Христос, несущий агнца, является подражанием Гермесу Кριοфору, Гермесу, несущему агнца. И как можно иначе объяснить древнейший символ Христа, каковым являлась рыба, если не влиянием тех религий, в которых рыба являлась символом божества? Здесь не так важны отдельные детали, как тот огромный факт, что все древнехристианское искусство основывалось не на истории Иисуса, а на восточной мифологии.

¹⁾ В Палестине теперь часто находят при раскопках подобные терракоты. Я сам видел их в большом числе в Иерусалиме и Гецере.

То же самое приходится сказать о христианских праздниках. Мы уже упоминали, что воскресение (Sonntag) и до Христа было днем солнечного божества. Также и в славянской редакции иудейской книги Еноха (33, 1) восьмой день ставится выше субботы. В Гиезе, священном кодексе мандеев, говорится: «как жизнь древнее смерти, как свет древнее тьмы, как день древнее ночи, так и воскресение древнее субботы». Точно также 25 декабря было праздничным днем Митры, раньше чем оно стало днем рождества Христова. Но в особенности важно возникновение и развитие христианского праздника пасхи. Известно, что пасха сначала была нехристианским праздником и перешла к христианам вместе с праздником пятидесятницы из иудейской религии. Христиане удержали также иудейское название праздника и иудейское время его празднования. Древнейшие споры по поводу пасхи между квартодециманами (сторонниками празднования пасхи 14 числа месяца Нисана) и их противниками также не имели ничего общего с евангельскими разногласиями относительно дня смерти Иисуса. Наоборот, и противники квартодециманов считали пасху приходящейся на 14-е нисана, но праздновали ее только в наступившее после этого числа воскресенье. Самый праздник состоял из трех частей: поста перед пасхой, пасхального бдения, прекращения поста в пасхальное утро. Продолжительность и формы поста были разнообразны. Ночное пасхальное бдение заключалось в совместном—отдельными семьями или всей общиной—бодрствовании, в молитве и пении псалмов. В полночь или при крике петуха пост прекращался и начиналась трапеза любви. Воскресение было особенно радостным днем, *dominicus gaudii*, радостное воскресение. Обыкновенно объясняют пост перед пасхой в смысле траура по поводу смерти бога. Не таков был его первоначальный смысл. В древнее время это был скорее траур по потерянным братьям из дома Израиля. Пасхальное бдение также не находит себе объяснения в

христианской истории; оно скорее было заимствовано из иудейских и языческих обычаев. Как же мы должны объяснить себе возникновение этого пасхального праздника? Противоположения иудейской пасхе, как объяснял происхождение этого праздника Епифаний и как теперь опять объясняют его, является слишком недостаточным основанием, хотя известного влияния его нельзя отрицать. А между тем, аналогичные языческие праздники, с которыми мы познакомились выше при изображении культа Аттиса, дают нам столько поразительных параллелей, что мы должны предположить здесь известную связь. И это предположение находит себе двойное подтверждение. Во первых, 25 марта, великий праздничный день культа Аттиса, стал во многих местах днем христианской пасхи, и как раз в тех местах, где культ Аттиса достиг особого процветания, как во Фригии, Галлии, может быть и в Риме. Это сходство по месту и времени до того поразительно, что трудно подыскать для него другое объяснение, кроме влияния языческого празднества. В католической церкви сохранилось пасхальное празднество, которое так же трудно отличить от известного нам праздника Аттиса, как одно яйцо от другого. Изображение мертвого Христа кладут в церкви на катафалк. Все постятся и оплакивают его громким плачем. Затем хоронят его в торжественной процессии и приносят обратно в церковь. В пасхальную ночь зажигаются свечи. Раздается голос: «бог воскрес, воистину воскрес». И громкий плач превращается в самую дикую радость. Раздаются пушечные выстрелы и зажигается фейерверк.

Но если праздник пасхи имеет таким образом нехристианское, иудейско-языческое происхождение, то является вопрос, не ведет ли свое начало из того же источника и содержание этого праздника. Но с этим вопросом мы уже переходим из области отношений, которые подлежат точному установлению, в область лишь возможных следствий.

Возможные последствия.

В большом сочинении П. Иенсена, посвященном эпосу Гильгамеша (старинное ассирио-вавилонское сказание), мы находим наиболее радикальные следствия, выведенные из связи, существующей между новозаветным изображением Христа и восточными религиями. Иенсен пытается доказать, что вся евангельская история является вариантом (изменением) легенды Гильгамеша. Попытка эта весьма остроумна и устанавливает целый ряд новых и правильных отношений между ветхим и новым заветом, и между ими обоими и вавилонской мифологией. Тем не менее, конечный результат основан на стольких субъективных умозаключениях и произвольных истолкованиях текста, что его отнюдь нельзя считать объективно доказанным. Кроме того, Иенсен не сумел уничтожить доказательную силу свидетельств Павла и евангельских речей, не сумел показать, каким образом миф внезапно превратился в историю и в качестве таковой получил сильнейшее влияние.

Робертсон пытается несколько другим способом понять специально историю страданий Христовых, в смысле драматического изображения мифа в духе описанных нами языческих культов. Он исходит при этом из момента поругания Иисуса. В этом поругании в новейшее время видят сознательное подражание языческим обычаям, которые соблюдались при казни рабов или преступников: их предварительно наряжали в царское платье. Такая человеческая жертва приносилась даже в историческое время ежегодно Кроносу на острове Родосе. В семитической мифологии отец богов Кронос, «которого финикийцы называют Израилем», также приносит в жертву своего единород-

ного сына Иедуа, оказав ему предварительно царские почести. Вообще человеческая жертва лежит в основе религиозной истории Израиля: пасхальный агнец является заменой принесения в жертву перворожденного; этот пасхальный агнец зажаривался, по словам Иустина, в форме креста. Замечательно, что крест был религиозным символом уже в дохристианское время. Мы познакомились с ним, как с символом жизни, уже в культе Озириса. На острове Крите он также встречался в очень древнее время в связи с другими религиозными символами. Может быть, следует подразумевать и под знаком, сделанным на челах избранных (кн. Иезекииля 9, 4, 6), тот же крест. Далее церковный писатель, Юлий Фирмик, говорит об обманчивых подражаниях кресту Христову. Язычники во время некоторых мистерий срубали в полночь дерево и прибывали к нему ягненка за лапы. Срубленное дерево напоминает культ Аттиса, во время которого действительно фигурировал агнец. Но и сам Аттис, как и фригийский Марсиас, является таким «повешенным» богом. Последний изображен также на древнем канделябре, находящемся в капитолийском музее в Риме: он висит на сосне ¹⁾. История сыновей Саула, 11, Самуила 21, 14 показывает, что и у иудеев повешение перед лицом Ягве являлось религиозным актом. Наконец, неоднократно уже указывалось на параллели трем голгофским крестам, которые мы встречаем в рассказах о Иосифе и о двух сотоварищах его по заключению и о распятии Амана и его двух друзей.

Сравнение евангельских рассказов друг с другом еще и теперь доказывает, что история страданий Христа создавалась лишь постепенно, и что она подверглась изменениям. Так, рассказ Луки о двух разбойниках, несомненно, возник под влиянием истории Иосифа; у Марка еще оба разбойника одинаково по-

¹⁾ Я видел это изображение и был поражен сходством его с изображением распятого Христа.

носят Христа. Пасхальный агнец обусловил в евангелии от Иоанна не только дату смерти Иисуса, но и «сокрушение голеней» обоих разбойников; «кость же Иисуса», как пасхального агнца, да и сокрушится (согласно Исходу, 12, 46). В особенности, псалом 22-й повлиял на образование легенды; отсюда ведет свое происхождение не только перемена одежды Иисуса, но и единственное (согласно евангелию от Марка) слово его на кресте, которое в конце—концов превратилось в семь слов.

Тем не менее, было бы поспешно выводить слишком значительные заключения из таких отдельных данных. Из предыдущего, во всяком случае, с несомненностью вытекает, что существовали все необходимые предпосылки для возникновения в иудейской религии образа умирающего и воскресающего Мессии. Этот образ был затем перенесен на личность Иисуса или появился в жизни одновременно с ней. Такое предположение подтверждается также критическим изучением евангелий, в которых мы встречаем двойной образ Мессии. Один Мессия проповедует и действует, другой—умирает и воскресает, оба они сливаются в один образ в вере христианской общины.

Наконец Б. В. Смит пытается открыть даже в новом завете следы «дохристианского культа Иисуса»¹⁾. Особого внимания заслуживает его указание на то, что прозвище Иисуса: «назорей» не могло происходить, согласно Матф. 2, 23, от слова: «Назарет». Наоборот, оно было названием дохристианской иудейской секты. И действительно, древним общим именем для христиан было: «назаряне». На арабском языке оно является

¹⁾ Недавно Спитта (Zur Geschichte und Literatur des Christentums, III, 2) указал на иудейское развитие мифа о Иове. Здесь скорее может быть речь о дохристианском образе Иисуса Христа, чем в эпосе Гильгамеша. «Иов и Иисус—оба царской крови, оба—покровители бедных и несчастных; оба борются с силами сатаны и тщетно искушаются им к отпадению от бога. Благодаря враждебным проискам дьявола, оба претерпевали страдания и позор, даже смерть, оба спасаются из состояния смерти, достигают почестей на земле и возносятся к престолу божества». Уже Дум (Duhm) обратил внимание на связь мифа о Иове с Ис. 53 и псал. 22.

таковым и теперь. Точно также назореями назывались обыкновенно мандеи. Как специальные почитатели Иоанна Крестителя, они также известны под именем «иоанновых христиан». Другие называли их сабиями (крестителями), вследствие обычных у них крещений. А их имя «адонеи» происходит от основателя их секты Адо (Адониса?).

Религиозная система мандеев, ведущая свое начало из Вавилона, является в своем древнем виде чисто-политической. Ее эсхатология подверглась сильному влиянию парсизма. В центре системы находится «возлюбленный сын», «перворожденный из богов», спаситель Гибиль-Зива, названный Manda de hajje («Познание жизни»). Наряду с крещением мы встречаем у них и «вечерю» с «куском хлеба и водой», и празднование воскресения, как священного дня недели.

В лице мандеев мы, действительно, встречаем промежуточное звено между описанными нами выше восточными религиями и христианством. «Палестинские геме́робаптисты с их разновидностями элькезаитов, назореев, эвионитов являются теми сектами, в которых нашли себе выражение еще в дохристианское время вавилонские идеи, распространившиеся под иудейским и в особенности под наватейским влиянием. Ими были еще в дохристианское время восприняты вавилонская идея посредника и связанные с ней языческие обряды крещения. Впоследствии они здесь еще более утвердились в своей противоположности христианству» (Baudissin).

Кто хочет убедиться в этом, пусть внимательно прочтет «Деяния апостолов» 19, 1—7. Смит считает это место самым замечательным в новом завете, и оно, действительно, в достаточной мере загадочно. В нем идет речь об «учениках», которые ничего не слышали о духе святом и только крещены во иоанново крещение. То же самое категорически утверждается в 18, 25 относительно Аполлоса. Если даже эти места еще не доказывают существования дохристианского

культа Иисуса, как это полагает Смит, то из них во всяком случае явствует, что эти «ученики Иоанна» были весьма близки к христианству, считались «учениками» и могли немедленно перейти в христианство. Но если первоначальное название христиан: «назаряне» и прозвище Иисуса: «назорей», действительно произошли от этой иудейско-языческой секты, то этим доказывается не только родственная связь, но и связь по прямому происхождению между христианством и этой секты, следовательно, и восточными религиями».

Бесчисленные следы ведут нас от христианства в историю религии, они доказывают тесную связь христианства с историей религии. Но они не настолько близко сходятся, чтобы мы могли из них вывести все последние следствия.

В особенности, один факт всегда будет запрещать разложение христианских идей на их общие религиозно-исторические элементы. Мы говорим о связи этих идей с исторической личностью. Как ни тесна или слаба эта связь, она все-таки налицо, и только благодаря ее осуществлению возникло христианство. Она же обеспечила за христианской верой ее победу над всеми языческими соперницами. Именно эта связь веры в смерть и воскресение божественного спасителя с фигурой живой исторической личности и дала христианству его нравственную основу и внутреннюю доказательность его истинности. «Смерть и воскресение» природы завершилось в нравственной человеческой личности ¹⁾.

¹⁾ То же самое, конечно, можно было бы сказать о любой из религий. В свое время для верующих какой-нибудь Митра или Мардук, Адонис или Озирис, были такими же живыми, „историческими“ личностями, как и для христиан — Христос. М. Брикнер просто трусит перед окончательными выводами. Все, что он написал в этой книге, убеждает нас, что никакой исторической личности Христа не было: надо иметь мужество это признать; его нет у М. Брикнера.

Примеч. Ем. Ярославского.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Умиравший и воскресающий божественный спаситель в восточ- ных религиях	5
Вавилон	11
Финикия	15
Малая Азия	24
Греция	28
Египет	30
Персия	33
Отношение восточных религий к христианству	39
Аналогии между древними религиями и христианством	41
Отношения, которые могут быть твердо установлены	43
Возможные последствия	51

КАТАЛОГ

издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

ПРИ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ.

По серии анти-религиозной.

Вышли из печати:

Браун В.—Христианство и коммунизм.

Беркова.—Гольбах.

Брикнер М.—Страдающий бог в религиях древнего мира (предисл. и примеч.
Ем. Ярославского).

Даенсон.—О боге и черте. Памфлет.

Древс.—Миф о Христе, т. I.

Комсомольское Рождество.—Сборник.

Комсомольская Пасха.—Сборник.

Обрезание, его социальное и религиозное значение. По Лафаргу.

Розенов.—Против попов, ч. I, вып. I.

Сказание об Адаме и Еве. По Лафаргу.

Сказание о непорочном зачатии. По Лафаргу.

Степанов И.—Мысли о религии. I и II изд.

„ „—О правой и неправой вере. Об истинных и ложных богах.

„ „—О таинстве св. причащения.

„ „—Задачи и методы антирелигиозной пропаганды.

Фрумкина.—Долой раввинов.

Ческис.—Людвиг Фейербах.

Ярославский Ем.—Как рождаются боги.

„ „—Библия для верующих и неверующих, ч. I. Сотворение мира.

Брихничев Иона.—Патриарх Тихон и его церковь.

Вилли.—Религия в свете науки.

Гофман.—Десять заповедей (перев. с нем.).

Древс.—Миф о Христе, т. II.

Илеханов.—О религии.

Розенов.—Против попов, ч. I, вып. II.

Струмилин.—Бог и свобода.

Третьяков.—Угасание бога.

Шипов Я.—Тихоновская церковь и Врангель (предисл. Н. Н. Попова).

Ярославский.—Как рождаются, живут и умирают боги. II доп. изд. с иллюстрац.

Готовится к печати:

Бebelь А.—Христианство и социализм.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. «Красная Новь» при Главполитпросвете.

Торговый Сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“,
Театральная площ., 2-й дом Советов, и во всех книжных
магазинах г. Москвы.